

УДК 811.16

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД
В МЕЖСЛАВЯНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(стилистика, лексико-семантический,
грамматический аспекты)**

К.В. Фёдорова

Аннотация

Статья посвящена исследованию литературных переводов с русского на другие славянские языки и со славянских языков на русский в стилистическом, лексико-семантическом и грамматическом аспектах. В ходе анализа лирических произведений таких поэтов, как С. Есенин, М. Цветаева, В. Шимборска, И. Франко, и их переводов выявлены случаи стилистической адекватности и ее отсутствия, а также грамматической правильности. Особое внимание уделено явлению лексической интерференции.

Ключевые слова: межславянская интерференция, омонимия, энантиосемия, стилистика, грамматика, лексическая семантика.

*Я верю лишь в одни стихи.
Не верю в просто переводы.*

Е. Евтушенко

В настоящее время исследователи художественного перевода стремятся обращать внимание в первую очередь на живой переводческий процесс и его сущность. Нежелание ограничивать себя рамками абстрактной теоретизации вполне объяснимо. Именно опыт мастеров перевода, по словам П. Топера, должен «служить основой для теоретических обобщений, а не быть просто объектом приложения дедуктивных критических оценок» [1]. Сегодня требования к литературному переводу сформулированы довольно расплывчато: в идеале переводчик должен соединить в своем труде формалистскую и художественную концепции. Подлинно адекватным, таким образом, можно считать перевод, который полностью передает замысел автора, воспроизводит тончайшие смысловые оттенки оригинала, и в то же время обеспечивает ему формальное и стилистическое соответствие.

Перевод с русского на славянские языки и со славянских языков на русский имеет свою специфику. Именно генетическая близость языков создает для переводчиков особые трудности, состоящие в стилистическом, лексико-семантическом и грамматическом неравенствах фонетически похожих, а порой и тождественных слов. Характерно высказывание Н. Берга, автора первых переводов на русский язык болгарских народных песен, опубликованных в сборнике

«Песни разных народов», по поводу того, что близость языков скорее мешает, чем помогает переводу [2].

В своей книге «Высокое искусство» К.И. Чуковский, анализируя различные переводы Т.Г. Шевченко, приводит пример того, как бездарны бывают переводы, основанные на «педантически точной передаче каждого отдельного слова» [3, с. 73]. Украинский поэт пишет о том, что готов умереть «хоч на малесенькій горі». Украинское «малесенькій» лишено слащавости, приторности, тогда как в русском языке прилагательное «малюсенький» является, по словам Чуковского, «мармеладным, жеманным», что делает подобный перевод невозможным [3, с. 74]. М. Павлова в своем переводе с болгарского «Гайдуцких песен» также поддалась соблазну ложного перевода однозвучных слов, тем самым нарушив стилистику оригинала: «Сон мне снился – ой не радость, проклятая младость». Авторский текст П. Яворова не изобилует архаизмами. Д. Карасёв указывает на то, что «младост» на русский язык уместнее было перевести как «молодость» [4].

Украинский исследователь теории перевода О. Кундзич анализирует ошибки переводчиков, которые приняли на веру смысловую эквивалентность одинаково звучащих, но разных по смыслу слов [5, с. 22, 33]. Например, украинское «бабка», напоминает он, – совсем не то, что русская «баба», поскольку «баба» – это просто женщина, а «бабка» – старуха. Необходимо добавить, что в польском языке одно из значений лексемы “babka”, маркированное как разговорное, – «молодая девушка» (Ale babka!). Причиной подобных «оплошностей» является эволюционный процесс, в ходе которого лексемы близкородственных языков разошлись в семантике, иногда вплоть до полярных отношений. В переводческой среде это явление часто именуют «абберацией близости», в научном обиходе неясность вносит терминологическая путаница: авторы оперируют самыми разными определениями данного языкового явления, от описательных оборотов типа «ложные друзья переводчика» до формальных конструкций «обманывающие когнаты», «псевдо-аналогонимы» [6, S. 252] и т. д. Э.А. Балалыкина говорит о явлении межъязыковой паронимии, термине, «пока еще не апробированном в этой области лингвистики» [7, S. 212]. Мы считаем более точным термин «межъязыковая интерференция» – наложение семантики одного языка на другой, включающее в себя две разновидности – омонимию и энантиосемию. Их изучение имеет методологическую ценность для теории и практики перевода.

Так, в интерпретации Анны Ахматовой стихотворения Ивана Франко «Матінко моя ріднесенька!» строки «В нещасний час, у годину лиху // Ти породила мене на світ!» звучат так: «В годину злую, в недобрый час // Ты родила меня на свет» (И. Ф.). При анализе необходимо учесть, что украинское «час» («у теперішній час» – «в настоящее время») переводится как «время», а «година» («година має шістдесят хвилин» – «в часе шестьдесят минут») по-русски – «час». А. Ахматова учла все тонкости языка оригинала, в результате данный перевод нельзя упрекнуть в лексико-семантических неточностях. Однако интерес здесь вызывает русская лексема «година», означающая «пора, время», во всех современных толковых словарях маркированная как книжная или устаревшая («година войны» – «то же, что военное время»). Стихотворение И. Франко не дает возможности говорить о «высоком штиле», его текст не содержит архаизмов. Несмотря на довольно существенные расхождения в стилистике, авторская

идея в конечном счете не нарушается. Внимание исследователя в этих двух строках привлекает еще одно слово: украинское «лихий» («він лиха людина – «он злой человек») трактуется прилагательным «злой», а в паре с русским «лихой» – «молодецкий, удалой» («лихая скачка») – является ярким примером межъязыковой энантиосемии, когда слова, обладающие общим планом выражения, имеют прямо противоположный по смыслу план содержания.

В этом отношении интересно проанализировать отрывок из стихотворения С. Есенина «Песнь о собаке»: «А вечером, когда куры // Обсиживают шесток, // Вышел хозяин хмурый, // Семерых всех поклат в мешок». Слово «вышел» в данном случае представляет собой факт внутриязыковой энантиосемии, так как обладает двойственной полярной семантикой: 1. «уйдя, удалившись, оставить пределы чего-нибудь, покинуть что-нибудь (выйти со двора)»; 2. «уйдя откуда-то, появиться, оказаться где-нибудь (выйти во двор)» [8, с. 109]. Словенский перевод сужает смысл лексемы до второго значения (дословно «пришел хозяин...»): “Zvečer pa, ko mrak se nad spečo // Perjad je po gredah spustil, // Prišel gospodar je in v vrečo, // Mračen, vseh sedem zmašil” (С. Е.). Подобную картину наблюдаем и в переводе на словенский стихотворения С. Есенина «Русь советская»: «Тот ураган прошёл. Нас мало уцелело» – “Vihar je mimo. Redki smo ga preživeli” (С. Е.). «Проходить» имеет в русском языке два противоположных значения: 1. «передвигаясь, направляясь куда-нибудь, миновать, оставить позади себя; все равно, что пройти мимо (ливень прошел стороной)»; 2. «завершиться каким-нибудь образом, с каким-нибудь результатом, закончиться (ливень прошел, выглянуло солнце)» [8, с. 601]. Налицо грубая ошибка переводчика, который актуализирует первое значение (дословно «ураган прошел мимо»), тогда как очевидно, что С. Есенин имел в виду другое: ураган закончился, после чего стало ясно, что немногие остались в живых. Логично, что если бы ураган прошел мимо, ни о каких жертвах говорить бы не пришлось.

Говоря о феномене энантиосемии, нельзя не привести строки стихотворения Марины Цветаевой из цикла «Двое»: «Рапсод, ты был слепцом: // Клад рассорил, как рухлядь. // Есть рифмы – в мире том // Подобранные. Рухнет // Сей – разведешь. Что нужд // В рифме? Елена, старья! // ...Ахеи лучший муж! // Сладостнейшая Спарта!» Перед тем, как приступить к анализу перевода И. Саламон: “Ślepce, niczym rupiecie – // Rozrzuciłeś skarb bezrozumnie. // Są rymy – na tamtym świecie // Dobrane. Dopiero kiedy runie // Ten – rozdzielisz je. Co dają // Rymy? Heleno, starzeć się przystoi! / ...Najpierwszy mężu Achajów! // Najponętniejsza Troi!” (М. С.), необходимо разобраться в идее, которую несет текст оригинала. Фразу «рухнет сей – разведешь» мы понимаем как призыв автора в случае, если рухнет мир, в котором мы живем, развести, как цветы, создать новые рифмы. Лексема «развести» имеет значения «дать расплодиться кому-нибудь, разрастись чему-нибудь, создать что-нибудь (развести сад)» и «то же, что разъединить (судьба развела нас)» [8, с. 632]. Иоанна Саламон, считавшаяся по праву одним из лучших переводчиков поэзии Цветаевой на польский язык, иначе трактует лексему «развести»: дословно «разделить». Вопрос вызывает также и неоправданная, на наш взгляд, лексическая замена топонима «Спарта» топонимом «Троя». Однако, быть может, парадоксально, но ритмически текст перевода легче воспринимается на слух, нежели оригинальное произведение.

Наше внимание привлёк также отрывок из цикла М. Цветаевой «Две песни»: «Вчера еще – в ногах лежал! // Равнял с Китайскою державою! // Враз обе рученьки разжал, – // Жизнь выпала – копейкой ржавою!». Перевод И. Саламон: “Wczoraj jeszcze – leżał u nóg! // Nad chińskie mocarstwo przynosił! // Wraz obie rączki puścił – na bruk // Życie wypadło – jak rdzawy grosik!” (М. С.), – замечателен не только тем, как она мастерски трансформирует российскую реалию «копейка» в польскую «грошик». Слово «выпала» у М. Цветаевой можно интерпретировать по-разному: «выпасть» – 1. «упасть наружу, вывалиться (монета выпала из рук); исчезнуть (зуб выпал)»; 2. «случиться, прийти на долю (выпал счастливый жребий)» [8, с. 112]. Переводчик, явно стремясь избавиться от этой двусмысленности, актуализирует значение «вывалиться» при помощи добавления “na bruk”, то есть «на мост». На наш взгляд, подобная конкретизация неуместна. Здесь важно сохранить эффект многообразности: жизнь вывалилась, как копейка из кошелька или кармана, жизнь исчезла, все разом пропало, рухнуло, и одновременно жизнь оказалась ржавой копеечкой, малоценной, никому не нужной. В тексте перевода мы к тому же сталкиваемся с появлением у И. Саламон слова, являющегося внутриязыковой энантиосемой в польском языке (puścić: 1. «пустить, отпустить, освободить, лопнуть, исчезнуть (напр., о пятне)»; 2. «появиться, прорасти, обнаружить новые стремления к чему-то, пустить в ход» [9, s. 996], тогда как у М. Цветаевой все вполне однозначно – «обе рученьки разжал». Справедливости ради заметим, что смысл оригинала переводчик здесь не искажил, а значение лексемы “puścić” проясняется контекстом.

Еще одним ярким примером, когда сам перевод провоцирует появление семантической многоаспектности текста, является отрывок из произведения польского поэта Збигнева Херберта «Господин Когито обсуждает различие между человеческим голосом и голосом природы»: “Mogę to wszystko powtórzyć od nowa // przegra ręka do góry // gardło słabsze od źródła // nie przekryczę piasku // nie zwiążę śliną metafory // oka z gwiazdą // i z uchem przy kamieniu // z ziarnistego milczenia // nie wyprowadzę ciszy”. В переводе А. Ройтмана прослеживается уникальный процесс ухода от конкретизации путем появления энантиосемии в тексте: «Снова могу это все повторить // проиграет поднятая рука // горло слабее источника // не перекричу песка // слюной не свяжу метафоры // глаза со звездой // и с ухом у камня // из молчанья зернистого не выведу тишины» (З. Х.). Лексема «вывести» позволяет произведению заиграть новыми красками, так как, обладая двумя оппозиционными значениями «удалить откуда-нибудь (вывести войска с чужой территории); исключить, заставить выбыть (вывести из состава президиума); уничтожить, истребить (вывести блох)» и «произвести на свет, вырастить, создать (вывести новый сорт растений); старательно изобразить, а также старательно произнести или спеть (вывести узор)» [8, с. 106], даёт возможность читателю выступить в роли сотворца и соавтора З. Херберта, интерпретируя данные строки в соответствии со своим пониманием контекста.

Безусловно, феномен интерференции заключается не в одной только энантиосемии. Одна из его составляющих, омонимия – явление гораздо более частотное в славянских языках. “Coś między nami było i nie było // Działo się i podziało”, – пишет Вислава Шимборска в стихотворении «Pierwsza miłość» («Первая любовь»). “Działo się i podziało” дословно можно перевести как «происходило

и случилось», однако Асар Эппель отдает предпочтение воссозданию игры слов в переводе: «Что-то между нами было и не было, // творилось и затворилось» (В. Ш.). В результате мы получаем искажение первоначального смысла, так как «творилось» и «затворилось» – все равно что происходило и закончилось, но никак не «случилось».

Талантливые переводы, в которых авторы существенно отходят от первоначального текста, всегда представляют особый интерес для исследователей. Строки стихотворения М. Цветаевой из цикла «К Блоку»: «И проходишь ты над своей Невой // О ту пору, как над рекой-Москвой // Я стою с опущенной головой, // И слипаются фонари», – сравним с их переводом на польский язык И. Саламон: “I chodzisz nad swą Newą wyniosłą // O tej porze, kiedy nad rzeką Moskwą // Stoję i czekam z tęsknotą i troską, // A latarniom powieki sen morzy” (М. С.). Фразу «...стою с опущенной головой» переводчик трактует дословно: «стою и жду с тоской и заботой (в сердце)», а «слипаются фонари» – как «сон фонарям смыкает веки». Русскоязычному же читателю ясно, что стоять с опущенной головой вовсе не значит только томиться заботой или скучать, но и, возможно, грустить о чем-либо или даже стыдиться. Выражение «и слипаются фонари» мы рассматриваем как иносказательное описание картины, когда фонари не гаснут, а напротив, их свет в полумраке сливается в одно яркое пятно.

Наконец, сравним строки из стихотворения В. Маяковского «Невозможно»: «А если не шкаф, // не рояль, // то я ли // сердце снес бы, обратно взяв», – с их переводом на польский Адама Важика: “A jeśli i kasą, // i fortepianem, // to jasne, // że byłbym się przedźwignął sercem odebrany” (W. M.). Слово «снес бы» можно понять и как «отнес бы куда-либо», и как «сломал, разрушил бы». Именно эта двусмысленность, по-видимому, заставляет автора перевода по-своему, окказионально, интерпретировать текст.

Порой семантические расхождения в текстах оригинала и перевода трудно объяснить фактами языка. Сопоставим фрагменты оригинального текста «Песенки о ночной Москве» Булата Окуджавы и его польского перевода, выполненного З. Федецким: «Когда внезапно возникает // Еще неясный голос труб, // Слова, как ястребы ночные, // Срываются с горячих губ...» и “Wesołych trąbek słycać granie – // Natężasz ucha, równasz krok, // A słowa same jak motyle // Sfruują z warg i lecą w mrok” (В. О.). Переводчик противопоставляет «ястребы» – «бабочки», «неясный голос труб» – «веселый голос труб», «срываются» – «улетают», что придает совершенно иной оттенок тексту, снимает авторскую тревожность. Тем не менее такая позиция вызывает большие сомнения, так как образ ястребов тесно сопряжен с темой ночи, ночных бомбардировок. В последней строке З. Федецкий заменил черта львом: “Lecz każdy pręży się jak lew”. Л. Мазур-Межва пытается оправдать этот переводческий выбор тем, что в польском языковом сознании слово «лев» вызывает положительные эмоции [10, s. 116]. В русском языке вполне допустимо употребление слова «черт» для выражения одобрения, восхищения («вот черти!») – в польском это слово имеет исключительно отрицательную коннотацию. Переводчик, отказываясь от интерпретации некоторых авторских метафор, заметно упрощает текст для понимания польским читателем. З. Федецкий меняет и грамматическую структуру оригинального произведения вводом дополнительных вопросительных предложений, нарочитой

диалогизацией текста, проявляющейся в использовании обращений к адресату в тех местах текста, где у Б. Окуджавы безличные предложения, включением второстепенных и побудительных предложений в текст перевода.

Если рассматривать данные переводы в грамматическом аспекте, в частности проанализировав влияние синтаксиса на их качество, необходимо показать и их морфологические особенности. Достаточно вспомнить, в какое отчаяние чешского поэта Йозефа Гора привело название книги стихов Б. Пастернака «Сестра моя жизнь», где существительное женского рода «жизнь» переводится на чешский лексемой мужского рода “život”. Ярким примером подобного рода проблем при переводе, обусловленных морфологическими особенностями языков, служит стихотворение польского поэта Яна Твардовского “Śpieszmy się kochać...”. Повелительное наклонение в русском языке ограничено вторым лицом единственного и множественного числа, в то время как в польском представлено 1-м, 2-м, 3-м лицом единственного и множественного числа. Поэтому русский аналог в переводе З.В. Алимпиевой неизбежно носит характер призыва, обращения к читателю, внушения: «Спешите любить своих близких: // Они так внезапно уходят» (П.), тогда как в действительности автор обращается не к «вам», а к «нам», в том числе и к себе самому: “Śpieszmy się kochać ludzi tak szybko odchodzą...”.

В ходе работы мы проанализировали переводы произведений различных славянских авторов на русский язык и русских поэтов на другие славянские языки в трех аспектах: стилистическом, лексико-семантическом и грамматическом. В настоящей работе не затронута тема перевода окказиональных преобразований, которыми изобилуют, например, тексты С. Есенина («Там, где вечно дремлет тайна...»: «В две луны зажгу над бездной // Незакатные глаза» и перевод на словенский “V luni dve prižgal nad breznom // Neugasljve oči” (С. Е.)), игры слов – излюбленного приема М. Цветаевой (ср. четверостишие из стихотворения «Минута», где реализуются сразу два значения одного слова: «О как я рвусь тот мир оставить, // Где маятники душу рвут, // Где вечностью моею правит // Разминовение минут», и его польский перевод: “O, nie chcę na tym świecie gościć, // Gdzie duch mieczami mgnień jest kłuty, // Gdzie dźwiza rządy mej wieczności // Rozmijające się minuty” (М. С.)) и особенностей перевода авторских метафор (ср. «...в дом забредешь желтоглазой цыганкой» и чешский перевод Г. Врбовой “...cikánka, pohled jak z jantaru” (С. М.), полностью соответствующий поэтическим подходам М. Цветаевой, и напротив, многословная замена лаконичного обращения «...лети, молодой орел!» витиеватой конструкцией “...váš let velkolepý // V strmých orlích výšinách” (С. М.)). Однако это предмет наших будущих исследований.

Согласно знаменитому постулату Самуила Маршака: «Я выдвинул бы два – на вид парадоксальных, но по существу верных – положения: Первое. – Перевод стихов невозможен. Второе. Каждый раз это исключение» [11, с. 371], мы полагаем, что изучение перевода является весьма актуальной современной проблемой и требует пристального научного анализа.

Summary

K.V. Fedorova. Literary Translation in Interslavonic Literary Space (Stylistic, Lexical-Semantic, and Grammatical Aspects).

The article studies literary translations from Russian to other Slavonic languages and vice versa in stylistic, lexical-semantic, and grammatical aspects. The analysis of poems by S. Yesenin, M. Tsvetaeva, W. Szymborska, and I. Franko and their translations has revealed some cases of stylistic adequacy and non-adequacy as well as grammatical correctness of translation. Special attention is paid to the phenomenon of lexical interference.

Key words: interslavonic interference, homonymy, enantiosemy, stylistics, grammar, lexical semantics.

Источники

- И. Ф. – Из стихотворений И. Франко / Пер. А. Ахматовой. – URL: http://ocls.kyivlibs.org.ua/ahmatova/perekladi_2/ahmatova_ukr_rus/franko_pereklad_ahmatovoi_content.htm, свободный.
- С. Е. – С. Есенин в переводе Т. Павчека. – URL: <http://public-library.narod.ru/Esenin.Sergei/>, свободный.
- М. С. – *Marina Cwietajewa. Wybór wierszy.* – Kraków: Wydawnictwo literackie, 1977. – 298 S.
- В. Ш. – *Вислава Шимборская. Избранное.* – М.: Текст, 2007. – 299 с.
- З. Х. – *Збигнев Херберт. Избранное.* – М.: Текст, 2010. – 315 с.
- В. М. – *Włodzimierz Majakowski. Kocham.* – Kraków: Wydawnictwo literackie, 1976. – 191 S.
- В. О. – *Bulat Okudźawa. Pieśni. Ballady. Wiersze.* – Kraków: Wydawnictwo literackie, 1996. – 254 S.
- П. – Побережье. Русско-польские образовательные культурные связи. – Калининград; Гданьск: Изд-во РГУ им. И. Канта; Гданьский ун-т, 2012. – 118 с.
- С. М. – *Světajevová M. Lichý stěvíc.* – Praha: Melantrich, 1996. – 343 S.

Литература

1. *Тонер П.* Перевод и литература: творческая личность переводчика. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1998/6/toper.html>, свободный.
2. *Песни разных народов / Пер. Н. Берг.* – М.: Универ. тип., 1854. – XXXIV, 559 с.
3. *Чуковский К.И.* Высокое искусство. – М.: Сов. писатель, 1968. – 384 с.
4. *Карасёв Д.* Болгарский символист на русских просторах (Аудиоантология поэзии Пейо Яворова на русском языке). – URL: <http://organon.cih.ru/kritika/karasevm.htm>, свободный.
5. *Кундзич О.* Перевод и литературный язык // Мастерство перевода. – М.: Сов. писатель, 1959. – С. 22–33.
6. *Hengst K.* Lehnwort – Internationalismus – Analogonim: Zur Semantik fachsprachlicher interlingualer Analogonime im Russischen und Deutschen: H.H. Bielfeldt zum 70. Geburtstag // Zeitschrift für Slawistik. – 1977. – Bd. 22, H. 2. – S. 250–259.
7. *Балалыкина Э.А.* О словах с противоположными значениями в русском и польском языках // *Innerslavischer und slavisch-deutscher Sprachvergleich / Jelitte H., Troškina T.P. (Hrsg.).* – Frankfurt/M: Peter Lang, 1995. – S. 211–218.

8. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.
9. *Nowy słownik rosyjsko-polski polsko-rosyjski.* – Warszawa: PWN, 2008. – XVI, 1264 s.
10. *Mazur-Mierzwa L.* Булат Окуджава в польских переводах. Когнитивные стратегии переводоведения. – Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego, 2008. – 169 s.
11. *Маршак С.Я.* Собр. соч.: в 8 т. – М.: Худож. лит., 1971. – Т. 6. – 672 с.

Поступила в редакцию
22.05.12

Фёдорова Ксения Валентиновна – преподаватель Института непрерывного образования Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: kseniafedorowa@gmail.com